

Чэн Кэ и Цзян Хао поднялись наверх, и Цзян Хао хлопал в ладоши:

— Ты видел выражение лица этого ублюдка Чэн Цзыюэ? Хахаха, если бы это можно было снять, я бы смеялся целый месяц. Это было так приятно! И дядя Чэн, просто смешно, он думал, что он такой крутой, а оказался просто трусом...

Цзян Хао говорил, и вдруг вспомнил, что Чэн Чжилинь все же отец Чэн Кэ, поэтому он слегка кашлянул и сказал:

— Прости, эм... еще есть время, хочешь решить пару задач?

Чэн Кэ не обратил внимания на вопрос Цзян Хао. Он тоже чувствовал облегчение, но сейчас ему не хотелось думать о Чэн Цзыюэ. После встречи с Чжоу Юньчуанем его сердце было наполнено теплом, и он не хотел учиться. Поэтому он сказал:

— Ладно, сегодня лучше лечь спать пораньше, тебе тоже.

— Хорошо, тебе тоже, кажется, ты устал.

— Ага.

Цзян Хао вернулся в свою комнату, а Чэн Кэ лег на кровать, чувствуя легкое головокружение. Сегодня он выпил стакан вина.

На самом деле, в прошлой жизни Чэн Кэ мог выпить довольно много, он не был непробиваемым, но несколько граммов крепкого алкоголя могли не повлиять на него, не говоря уже о пиве.

Сегодня Чэн Кэ увидел, как Чжоу Юньчуань пьет, и выхватил у него бокал, выпив залпом. Но сегодняшний напиток оказался крепким, это была водка, которую так любят в России.

Тело Чэн Кэ было семнадцатилетним, и раньше он никогда не пил, поэтому после этого глотка он почувствовал головокружение. Уже в гостиной он начал чувствовать, что алкоголь ударил в голову, поэтому, закончив разговор, он сразу же поднялся в комнату с Цзян Хао.

Теперь, лежа на кровати и глядя на высокое и спокойное ночное небо за окном, Чэн Кэ чувствовал, что его тело стало мягким, как вата.

Достав телефон, он, который никогда не привык писать сообщения, отправил СМС Чжоу Юньчуаню:

[Я напился, голова кружится.]

Ответ Чжоу Юньчуаня пришел быстро:

[Тебе плохо? Мне прийти к тебе?]

Чэн Кэ, глядя на ответ Чжоу Юньчуаня, невольно улыбнулся. Приятно, когда кто-то заботится.

Чэн Кэ заснул, глядя на ответ Чжоу Юньчуаня, а Чжоу Юньчуань начал волноваться.

Плохо ли ему? Идти ли к нему?

Подождав полчаса и не получив ответа, Чжоу Юньчуань не выдержал и позвонил. Чэн Кэ

сонно ответил:

— Кто это?

— Это я, Чжоу Юньчуань.

Чэн Кэ, казалось, начал просыпаться, но услышав голос Чжоу Юньчуаня, снова погрузился в сон:

— О, я сплю.

— О.

Чжоу Юньчуань еще не закончил говорить, как Чэн Кэ уже положил трубку. Услышав гудки, Чжоу Юньчуань покачал головой. Этот маленький капризуля действительно не считает его важным.

На следующий день, после первых двух уроков, началась большая перемена. В это время все ученики и учителя должны были выйти на школьный двор для утренней зарядки. Чэн Кэ, стоя в задних рядах второго класса, лениво выполнял упражнения, как вдруг получил пинок от Чжэн Сяочэня, стоящего сзади. Чэн Кэ обернулся, и Чжэн Сяочэнь сказал:

— Не ел нормально, да еще и зарядку делаешь спустя рукава. Выпрями руки, а то как будто голодный.

Чэн Кэ выпрямил руки, а во время поворотов сказал Чжэн Сяочэню:

— Я действительно не завтракал.

— Все равно делай зарядку, растяжка тебе не повредит.

Чэн Кэ не смог отказаться, потому что за его спиной стояла эта болтливая и пинками раздающая «мамочка».

В школе при Столичном университете зарядку нужно было делать два раза, поэтому большая перемена длилась полчаса.

После двух кругов зарядки ученики собрались в строю, ожидая команды на расформирование. Но в этот день, после построения, на сцену вышел человек — это был Чэн Цзыюэ.

— Зачем он вышел? Он что, первоклассник, чтобы выступать перед флагом? — сказал Чжэн Сяочэнь.

Цзян Хао знал, что происходит, поэтому он загадочно сказал:

— Я знаю, но не скажу, хе-хе, пусть злятся.

Сказав это, Цзян Хао получил удар, но не от Чжэн Сяочэня, а от Фэн Шоуци, стоящего рядом:

— Меньше болтай, слушай, что он говорит.

Чэн Кэ тоже посмотрел на сцену. На улице было уже холодно, Чэн Цзыюэ стоял один, и, несмотря на пуховик, выглядел одиноким и немного жалким.

Чэн Цзыюэ стоял молча, учителя тоже удивились, но он не говорил, поэтому они начали организовывать учеников, чтобы те расходились по своим делам.

Чэн Цзыюэ, увидев это, нажал на выключатель микрофона в углу сцены, взял микрофон и вышел вперед.

— О, он собирается что-то громко объявить? Микрофон уже готов. — сказали ученики, не знавшие, что происходит.

— Может быть, он хочет выступить, подождем. — сказали некоторые ученики, которые знали Чэн Цзыюэ и поддерживали его.

— Фу, выступление незаконнорожденного? — были и те, кто с самого начала не любил Чэн Цзыюэ, но они не обязательно любили Чэн Кэ, они могли просто ненавидеть обоих.

...

Внизу слышались шепот и обсуждения, а на сцене Чэн Цзыюэ чувствовал, как его лицо горит. Он никогда не думал, что все закончится так. Но у него не было выбора, если он не извинится, он может оказаться в суде, и тогда его жизнь будет разрушена. Он не мог этого допустить, поэтому, собравшись с духом, он вышел на сцену, чтобы принять взгляды всех учеников и учителей.

— Прошу прощения, я Чэн Цзыюэ. Я хочу занять несколько минут вашего времени, чтобы извиниться перед одним человеком. Чэн Кэ, прости меня.

Внизу поднялся шум, некоторые начали строить догадки. Чжэн Сяочэнь и Фэн Шоуци тоже удивились, они повернулись к Чэн Кэ и Цзян Хао, тихо спросив:

— Что произошло?

Цзян Хао продолжал загадочно улыбаться:

— Продолжайте слушать, и вы узнаете.

Чэн Цзыюэ сделал паузу, набрался смелости и продолжил:

— Недавно, из-за моей ошибки, Чэн Кэ получил взыскание. Прости. На самом деле, беременность Се Сяолин не имеет никакого отношения к Чэн Кэ. Я знал, что Се Сяолин нравится Чэн Кэ, и из-за своего статуса я завидовал ему, поэтому я уговорил Се Сяолин переложить вину на него. В то время Чэн Кэ даже не был в школе, и я воспользовался этим, чтобы оклеветать его. Теперь я действительно понял свою ошибку. Чэн Кэ, прости меня.

Чэн Цзыюэ глубоко поклонился. После этого не только ученики, но и учителя начали обсуждать произошедшее. Завуч, стоявший в задних рядах, побледнел, боясь, что Чэн Цзыюэ упомянет его.

Ученики и учителя начали обсуждать произошедшее, завуч быстро поднялся на сцену, забрал микрофон у Чэн Цзыюэ и велел ему уйти.

После ухода Чэн Цзыюэ завуч сказал:

— Возможно, мы не до конца разобрались в этом деле. Теперь, когда кто-то добровольно признал свою вину, мы обязательно разберемся и дадим всем ответ.

После первоначального шока ученики вспомнили, каким добрым и отзывчивым был Чэн Кэ. Он просто так получил клеймо подлеца, и это было слишком несправедливо, особенно учитывая, что его оклеветал его же брат, незаконнорожденный. Поэтому вскоре вокруг раздались крики, осуждающие Чэн Цзыюэ.

Завуч хотел что-то добавить, но Чжэн Сяочэнь громко спросил:

— Завуч, ведь именно вы настояли на взыскании для Чэн Кэ. Что теперь будет с его взысканием?

Завуч не знал, что ответить, так как он не имел права самостоятельно изменять ученические дела, а взыскание уже было внесено в архив.

Кто-то громко сказал:

— Из-за вашей ошибки Чэн Кэ стал козлом отпущения. Завуч, разве вы не должны извиниться?

Затем раздался еще один голос:

— Завуч, говорят, что часы на вашей руке стоят больше тридцати тысяч. Я слышал, что их вам подарил Чэн Цзыюэ. Это правда?

Завуч опешил, посмотрев в сторону, откуда раздался голос, но там было много учеников, и он не мог понять, кто это сказал. Он только растерянно произнес:

— Расходитесь, все расходитесь!

— Завуч, чего вы боитесь? Потому что вы с Чэн Цзыюэ были заодно, да?

<http://bllate.org/book/16558/1511218>